

**IRONY AND CULTURAL CONCEPTS IN UZBEK SHORT PROSE:
TAQDIR, OR-NAMUS AND ANDISHA AS COGNITIVE
FOUNDATIONS OF IRONIC STRATEGIES**

(Based on the Stories of S. Vafo in Comparison with N.A. Teffi's Prose)

Kholbutaeva Feruza Bobirovna

Senior Lecturer, Department of Uzbek and Russian Philology, Andijan Branch of
Kokand University

Abstract. The paper examines three key linguocultural concepts of the Uzbek language – taqdir, or-namus, and andisha – as cognitive foundations of irony in S. Vafo's prose. It is shown that each concept generates a specific type of irony: taqdir gives rise to providential irony, or-namus to immanent irony, and andisha functions as a cultural prohibition against distancing from the norm. A comparison is drawn with N.A. Teffi's ironic strategy, in whose texts analogous value domains possess no «immunity» to authorial deconstruction. The difference is described through the opposition «distance from the norm» (Russian tradition) vs «fusion with the norm» (Uzbek tradition).

Keywords: taqdir, or-namus, andisha, irony, providential irony, immanent irony, authorial reflexive irony, linguocultural concept, conceptsphere, comparative linguistics, S. Vafo, Teffi.

**ИРОНИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В УЗБЕКСКОЙ МАЛОЙ
ПРОЗЕ: ТАҚДИР, ОР-НАМУС И АНДИША КАК КОГНИТИВНЫЕ
ОСНОВАНИЯ ИРОНИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ**

(на материале рассказов С. Вафо и Н.А. Тэффи)

Холбутаева Феруза Бобировна

старший преподаватель кафедры узбекской и русской филологии Андижанского
филиала Кокандского университета

Аннотация. В тезисах исследуется роль трёх ключевых лингвокультурных концептов узбекского языка – такдир, ор-намус и андиша – в качестве когнитивных оснований иронии в прозе С. Вафо. Показано, что каждый из концептов задаёт особый тип иронии, обусловленный его ценностной природой: такдир порождает провиденциальную иронию, ор-намус – имманентную, андиша функционирует как культурный запрет на дистанцирование от нормы. Проводится сопоставление с иронической стратегией Н.А. Тэффи, в текстах которой аналогичные ценностные зоны не обладают «иммунитетом» к авторской деконструкции. Различие описывается через оппозицию «дистанция от нормы» (русская традиция) и «слияние с нормой» (узбекская традиция).

Ключевые слова: такдир, ор-намус, андиша, ирония, провиденциальная ирония, имманентная ирония, авторская рефлексивная ирония, лингвокультурный концепт, концептосфера, сопоставительная лингвистика, С. Вафо, Тэффи.

Введение

Ирония как лингвокогнитивный феномен принципиально культурозависима: её субъект, объект, тональность и механизм реализации определяются ценностными концептами той культуры, в которой она функционирует. Вопрос о том, что именно разрешено высмеять – и чего иронизировать нельзя, – является ключевым при описании иронических стратегий в сопоставительной лингвокультурологии [1; 2]. В узбекской лингвокультурной традиции сформировались три концепта, непосредственно определяющих «границы допустимой иронии»: такдир (судьба как предопределение Всевышнего), ор-намус (честь и достоинство как тотальная ценностная система) и андиша (такт, деликатное уважение к Другому). Ни один из них не допускает прямой авторской насмешки – и именно это определяет специфику узбекской иронии как имманентной по характеру, а не авторски-рефлексивной.

Для сопоставления привлекается проза Н.А. Тэффи, в которой аналогичные ценностные зоны (судьба, честь, деликатность) лишены указанного «иммунитета» и становятся объектами блестящей художественной деконструкции. Цель настоящей работы – описать когнитивную природу каждого из трёх концептов и установить, каким типом иронии он управляет в текстах С. Вафо, а также выявить зоны прагматической инверсии при сопоставлении с Тэффи.

Концепт такдир: провиденциальная ирония

Такдир (арабск. taqdīr – «предопределение, воля Бога») занимает в аксиологической системе узбекской культуры особое место: в отличие от большинства концептов, описывающих человеческие ценности, такдир имеет вертикальную онтологическую рамку – его источником является не общество и не индивид, а Бог [3]. «Ўзбек тилининг изоҳли луғати» определяет такдир как «счастье и несчастье человека в жизни, предопределённое при его рождении».

Принципиально важна теологическая коннотация: такдир – не безличный рок, а личное предназначение со стороны Всевышнего. Это задаёт иное психологическое отношение носителей: не борьбу или насмешку, а принятие и таваккул (вверение себя Богу). На паремиологическом уровне данная модель закреплена в пословице «Одам айтади, такдир кулади» («Человек говорит, судьба смеётся»): субъектом иронии является такдир, объектом – человек и его планы. Носитель языка оказывается не автором, а жертвой иронии. Иронизировать над такдиром невозможно: это означало бы насмешку над волей Всевышнего.

В прозе С. Вафо эта модель реализуется как провиденциальная ирония, принадлежащая самому порядку вещей, но не авторскому голосу. В рассказе «Гора Бутан» героиня принимает «другие дороги», указанные суфием, – не оспаривает и не иронизирует. Ирония здесь встроена в логику такдира, а не в авторскую позицию. В текстах Тэффи ситуация принципиально иная. «Судьба» в

русской концептосфере – насмешливая, непредсказуемая сила, которую можно оспорить, высмеять. В «Раскаявшейся судьбе» Тэффи Судьба становится персонажем с рефлексией и раскаянием – то есть объектом комической деконструкции, лингвокогнитивно невозможной в узбекской традиции [4].

Концепт ор-намус: имманентная ирония

Ор-намус – бинарный концепт, объединяющий личную честь (ор) и социально-семейный нравственный закон (намус). Он является тотальной системой: смеяться над честью – значит уже нарушить её. В отличие от русской «честь», которая является ситуативной ценностью и поэтому может стать объектом иронии, ор-намус управляет каждым поступком и каждым молчанием носителя культуры [5]. Именно тотальность ор-намуса делает прямую авторскую иронию по отношению к нему культурно невозможной. Вместо неё в прозе С. Вафо возникает имманентная ирония – обнажение внутреннего противоречия самой системы. В рассказе «Женщина, забывшая себя» героиня, безупречно следующая требованиям намуса, утрачивает себя как личность. Ирония заключена не в авторском осуждении, а в логике системы: именно потому, что она «всё помнила правильно», она «забыла себя». В русской традиции «честь» не является тотальной системой. В «Святом стыде» Тэффи демонстрирует, что честь может оказаться не нравственной, а эстетической категорией: дамы стыдятся не нарушения нравственной нормы, а неправильно рассказанных анекдотов. Тэффи разоблачает ложную претензию на честь – то, что в узбекской традиции было бы недопустимым объектом иронии [4].

Концепт андиша: антитеза иронии

Андиша охватывает три семантических пласта: обдуманность и осторожность в поступках; чувство стыда и застенчивость по отношению к Другому; деликатное уважение, нежелание причинить неудобство. С

лингвокогнитивной точки зрения концепт активирует в сознании носителя устойчивую схему поведения – ориентация на Другого при подавлении собственных интересов [6].

Именно эта схема исключает иронию: ирония требует дистанции от нормы, то есть выхода из позиции полной ориентации на Другого. Принципиальным аргументом является следующее: русский язык не располагает однословным эквивалентом андиши. Её семантическое поле покрывается несколькими словами – «деликатность», «тактичность», «совестливость» – ни одно из которых не несёт совокупного смысла. Отсутствие слова есть лингвокогнитивное свидетельство: данная коммуникативная стратегия не является системообразующей в русской концептосфере [7].

Это означает, что русская культура выработала иронию там, где узбекская выработала андишу, – как два альтернативных ответа на одну культурную проблему: как жить рядом с другими людьми, не причиняя вреда? В текстах Тэффи имитация андиши разоблачается: внешняя деликатность персонажей оказывается притворством, за которым нет подлинного уважения к Другому.

Выводы

1. Концепт такдир генерирует провиденциальную иронию, принадлежащую высшему порядку вещей, а не авторскому голосу. В русской традиции судьба-рок, напротив, является законным объектом авторской насмешки.

2. Концепт ор-намус порождает имманентную иронию – обнажение противоречий внутри самой системы, но не её авторское осуждение. В русской традиции «честь» лишена этого иммунитета и сама становится объектом деконструкции.

3. Концепт андиша функционирует как культурный запрет на иронию: он предписывает молчание и ориентацию на Другого, тогда как ирония требует

дистанции от нормы. Русская культура не имеет лексикализованного эквивалента этой стратегии и выработала иронию как её функциональную альтернативу.

4. Три концепта образуют плотную ценностную сеть, в которой индивидуальная дистанция от нормы либо культурно недопустима (ор-намус), либо психологически невозможна (такдир, андиша). Доминирующей стратегией в текстах С. Вафо поэтому является не авторская рефлексивная, а имманентная и провиденциальная ирония.

5. Сопоставление двух традиций выявляет системную оппозицию: «дистанция от нормы» (Тэффи) vs «слияние с нормой» (С. Вафо). Ирония в обеих культурах реальна, однако её природа, субъект и культурная функция принципиально различны.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
3. Хожиев А.П. и др. Узбекско-русский учебный словарь. – Ташкент: Ўқитувчи, 1995.
4. Тэффи Н.А. Юмористические рассказы; Дым без огня. – М.: Художественная литература, 1990. – 480 с.
5. Дадабаев Х.Д. Этнокультурные концепты узбекского языка. – Ташкент, 2003.
6. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2008.
7. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.
8. Вафо С. Кулгили ҳикоялар / Танланган асарлар. – Тошкент: Шарқ, 2008. – 312 б.